

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как Танского монаха из-за пышных проводов постигло несчастье, а также о том, как Великий Мудрец Сунь У-кун нашел душу умершего и вернул ему жизнь

Мы пока не будем рассказывать о том, что было дальше с Танским наставником и его учениками, укрывшимися от непогоды в разрушенном здании монастыря Хуа Гуана и проведенными там мучительную ночь.

Вернемся в уездный город в округе Медная башня. С некоторых пор там появилась банда убийц, более десяти человек. Они начали с того, что стали вести разгульный образ жизни, предавались пьянству и азартным играм, промотали все свое состояние, а когда у них совсем не оказалось никаких средств к существованию, собрались в шайку и сделались разбойниками. И вот как раз когда они судили да рядили, кого бы им еще ограбить и кто у них в городе первый богач, один из грабителей сказал:

— Что тут долго разговаривать! Самый богатый у нас — чиновник Коу Хун. Какие проводы сегодня устроил он Танскому монаху! Давайте воспользуемся этой дождливой ночью, когда на улицах никого нет, да и караульщики не ходят с дозором, и приступим к делу. Заберем у него сколько-нибудь денег и опять заживем припеваючи: станем гулять с бабами да в картишки играть... Вот здорово будет!

Грабители обрадовались, сговорились действовать заодно и, несмотря на проливной дождь, отправились в поход, вооруженные кинжалами, колючими булавами, клюшками, дубинками, веревками и факелами. Они взломали ворота и ворвались с криками «бей!». Все находившиеся в доме, и большие и малые, мужчины и женщины, пришли в такой ужас, что сразу же попрятались. Казалось, дом опустел. Хозяйка залезла под постель, а хозяин спрятался за дверь. Коу Дун и Коу Лян с несколькими ребятишками, дрожа от страха, бросились бежать кто куда, чтобы спасти свою жизнь. Разбойники с обнаженными кинжалами и пылающими факелами набросились на сундуки и корзины, разломали их и похитили все золото и серебро, разные драгоценности, головные украшения, наряды, посуду и домашнюю утварь. Хозяину жалко было расставаться со своим имуществом; он не выдержал, набрался духу и, выйдя из-за дверей, принялся жалобно умолять грабителей:

— О повелители мои! Возьмите, что вам нужно, но и мне, старику, оставьте хоть что-нибудь из одежды, а то и в гроб не в чем лечь.

Но разве могли грабители допустить, чтобы им перечили? Один из них подскочил к Коу Хуну и пинком сшиб его с ног. Несчастный! Душа его на три десятых сразу же переселилась в Подземное царство, а остальные ее семь десятых скорбно прощались с белым светом!

Разбойники, обрадованные удачей, покинули дом Коу Хуна, протянули от подножия стены веревочную лестницу и один за другим перелезли через городскую стену, после чего стремглав помчались на запад, несмотря на дождь и глухую ночь.

Тем временем слуги Коу Хуна, убедившись что разбойники ушли, начали возвращаться в дом и увидели, что хозяин их мертвый лежит на земле. Тут они стали вопить и причитать.

— О небо! Наш хозяин-владыка убит! — кричали они.

Затем все пали ниц перед его телом и стали жалобно плакать. Между тем близилось время четвертой ночной стражи. Хозяйка и так затаила обиду на Танского наставника за то, что он пренебрег ее приглашением, а тут еще хозяин потратил уйму денег на проводы. Кроме того, хозяйка была уверена в том, что беду на их дом тоже навлек Танский монах и его ученики. А потому она и решила погубить всех четверых. Поддерживая под руку Коу Ляна, она начала нашептывать ему:

— Не надо плакать, сынок! Не думал твой отец, так обильно угощавший монахов, что ныне, в торжественный день исполнения своего обета, эти монахи отнимут у него жизнь!

— Матушка, откуда ты знаешь, что это монахи убили отца? — удивились братья.

— Грабители были до того лютые и храбрые, что, когда они ворвались сюда, я сразу же спряталась под постель и, хотя меня трясло от страха, я все же внимательно разглядывала их при свете огня, — начала рассказывать хозяйка. — И представьте себе, кого я увидела? Державший факел оказался Танским монахом. С кинжалом был Чжу Ба-цзе, а золото и серебро доставал Ша-сэн. Убийцей же вашего отца является Сунь У-кун.

Сыновья поверили матери.

— Раз матушка видела их собственными глазами, значит, так оно и было, — решил Коу Лян. — Эти монахи жили у нас полме сяца и за это время хорошо ознакомились с расположением дома, со всеми дверями, окнами, заборами и закоулками; богатство же всегда возбуждает алчные желания. Воспользовавшись дождливой ночью, монахи вернулись и мало того, что ограбили нас, но еще и погубили отца! Вот какими негодями они оказались. Как только рассветет, мы отправимся в окружное управление и подадим на них жалобу за ограбление и убийство.

— А как писать такую жалобу? — спросил Коу Дун.

— Напишем со слов матери, — ответил Коу Лян и сразу же записал: «Танский монах держал факел, Чжу Ба-цзе — кинжал, Ша-сэн вытаскивал золото и серебро, а Сунь У-кун убивал отца».

Пока все домашние кричали и шумели, незаметно рассвело. Матушка послала к родственникам сообщить о случившемся и просить их купить гроб, а Коу Лян с братом отправились в окружное управление подать жалобу.

Начальник окружного управления отличался весьма величественным видом!

Всю жизнь был честен он и прям,
И от рожденья добр, умен,
Но много горя и нужды
Изведал в молодости он.
Ученье с детства полюбив,
Не знал ребяческих утех,
Зато, явившись во дворец,
Сдал испытанья лучше всех.
С тех пор правлением своим
Стяжал он славу мудреца,
Законам предан всей душой
И долгу верен до конца.
И высоко вознесена,
Людскими судьбами верша,
О милосердье и добре
Всегда пеклась его душа.
Повсюду славят жизнь его —
Суровый и достойный путь,
И в летописи наших дней
Его нельзя не помянуть,
Чтоб и в грядущем не померк
Его деяний мудрый свет,
Чтоб имя славили его
Потомки много тысяч лет.
Как будто воплотиться в нем
Решили в наши времена
Правители Хуан и Гун,
Чьи незабвенны имена.

Любого в округе спроси —

Все воздают ему хвалу,

Как будто ожили опять

Благие судьи Чжо и Лу.

Коу Лян и его брат, держа в руках таблички, вошли в зал. Опустившись на колени, они громко воскликнули: — Отец наш, повелитель! Мы явились с жалобой на дерзких разбойников, ограбивших нас и совершивших убийство.

Правитель принял жалобу, принялся читать ее вполголоса, а затем сразу же приступил к расспросам.

— Вчера мне сообщили, — начал он, — что в вашем доме было устроено торжество по случаю исполнения обета, данного вашим отцом. И в связи с этим чествовали четверых достопочтенных монахов во главе с архатом из восточных земель, посланцем Танского двора. Им устроили роскошные проводы, улицы были запружены барабанщиками и музыкантами. Что же произошло потом?

Коу Лян и его брат стукнули лбами о землю и стали рассказывать:

— Повелитель! Наш отец, Коу Хун, двадцать четыре года принимал у себя монахов и кормил их. Эти четыре монаха, пришедшие из далеких стран, как раз завершили заветные десять тысяч, и в тот день обет, данный отцом, был выполнен. В благодарность отец оставил их пожить у себя в доме. Они прожили полмесяца и за это время высмотрели все окна и двери, ходы и выходы. В ту же ночь, когда мы проводили их, они вернулись обратно, воспользовались ненастной погодой и с факелами и оружием ворвались в дом. Они разграбили все золото, серебро, драгоценности, наряды, головные украшения и вдобавок убили отца. Уповаем на тебя, повелитель, что ты заступишься за нас, простых людей.

Правитель округа выслушал их и велел тотчас же отрядить конных и пеших сыщиков, полицейских и стражников, из наемных и отбывающих повинность, — всего сто пятьдесят человек. Все они вооружились холодным оружием, вышли из города через западные ворота и пустились в погоню за четверьмя монахами. Теперь обратимся к наставнику и его ученикам. Они промаялись ночь в полуразрушенном монастыре Хуа Гуана, а на рассвете вышли из ворот и пустились в дальнейший путь на запад. И надо же было так случиться, что те самые разбойники, которые в ту ночь ограбили дом Коу Хуна и перелезли через городскую стену, тоже бежали по этой же дороге на запад. Они шли до рассвета и, пройдя мимо монастыря Хуа Гуана, продвинулись на запад, примерно на двадцать ли, укрылись в горном ущелье и там стали делить награбленное. Не успели они закончить дележ, как вдруг увидели Танского монаха с его учениками, которые вчетвером шествовали по дороге, приближаясь к ним. Видимо, разбойники еще не утомнились.

— Глядите-ка, никак тот самый монах, которого вчера провожали, идет сюда!

Все захохотали:

— Вот уж кстати! Ах, как кстати! Мы и с ним тоже разделаемся, не посчитаемся с законами Неба. Он ведь следует издалека, да к тому же долго гостил в доме Коу Хуна, так что у него, наверное, немало разного добра. Давайте-ка преградим им дорогу, отнимем у них все имущество, заберем белого коня и разделим все это между собой! Ну и потеха будет!

И вот, издав боевой клич, разбойники с оружием в руках выбежали на большую дорогу, выстроились в ряд и закричали:

— Эй, монахи! Ни с места! Дайте выкуп за проезд, и мы пощадим вас! Но если только вы посмеете перечить, мы вас всех прикончим.

Танский монах задрожал от страха, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе тоже струхнули и обратились к Сунь У-куну:

— Вот тебе и на! Мало того что почти всю ночь промучились под дождем, так теперь еще повстречались с грабителями. Вот уж верно говорится: «Беда не приходит одна!».

Сунь У-кун рассмеялся.

— Наставник, не бойся! Да и вы, братцы, не тревожьтесь, — беззаботно сказал он. — Вот я сейчас поговорю с ними.

С этими словами Великий Мудрец подтянул на себе юбчонку из тигровой шкуры и, отряхнув парчовую рясу, приблизился к разбойникам, скрестил руки на груди и спросил их:

— Уважаемые! Вы кто такие?

Разбойники разъярились:

— Ишь какой наглец выискался, видно, не понимает, что значит жить или умереть! — заорали они. — Еще осмеливается задавать вопросы! У тебя на лбу глаз нет, что ли? Не видишь, что мы — великие князья! Давай сюда выкуп, и мы пропустим вас!

Слова разбойников, по-видимому, очень рассмешили Сунь У-куна. Расплывшись в улыбке до ушей, он произнес:

— Вот оно что! Значит, вы разбойники с большой дороги!

Разбойники еще больше разъярились.

— Убить его! — крикнул кто-то из них.

Сунь У-кун, притворившись испуганным, начал молить о пощаде:

— О великие князья! О великие князья! Я, простой деревенский монах, не мастер говорить. Не сердитесь на меня, если чем вас обидел. Не сердитесь! Если хотите взять выкуп, берите только с меня, а не с тех троих. Все деньги у меня. И те, что мы получаем за наши молитвы, и те, что у нас собираются от подаяний и пожертвований. Тот, что сидит верхом на коне, наш наставник, однако он лишь умеет читать священные книги и не касается никаких других дел. Он совсем забыл, что такое богатство, а алчности у него нет ни на волосок. Тот, кто с темным лицом, — наш послушник. Я его подобрал на дороге и принял к себе. Он умеет только ухаживать за конем. А вон тот, с длинным рылом, — наш слуга, которого я нанял на долгий срок. Он умеет лишь таскать поклажу. Вы пропустите их, а я сейчас отдам вам все наше добро: тут и деньги на дорогу, и одежды, и патра.

Выслушав Сунь У-куна, разбойники заговорили уже совсем по иному.

— Да ты, видать, совсем смирный монах! — воскликнули они. — Так и быть, пощадим тебя. Ты только вели тем троим снять поклажу, и мы их пропустим.

Сунь У-кун обернулся и подмигнул.

Ша-сэн тотчас же снял узлы и бросил коромысло, затем взял под уздцы коня и повел его. Так, втроем, вместе с Чжу Ба-цзе, они отправились дальше, на Запад.

Тем временем Сунь У-кун нагнулся, будто бы для того, что-бы развязать узлы, а сам незаметно взял полную горсть пыли и подкинул ее вверх, затем прочитал заклинание и крикнул: «Стой на месте!». Все разбойники, а их было человек тридцать, стиснули зубы, вытаращили глаза и с растопыренными руками замерли на месте, не в силах больше ни говорить, ни двигаться.

Сунь У-кун одним прыжком очутился на перекрестке и стал кричать:

— Наставник! Вернись! Вернись!

Чжу Ба-цзе встревожился.

— Дело дрянь, — сказал он, — Сунь У-куну, наверное, пришлось выдать нас! Ведь у него при себе нет ни гроша, да и в узлах тоже ничего нет — ни золота, ни серебра. Наверное, посулил им коня, вот и зовет тебя, наставник, а нас заставит снять одежды!

— Не говори ерунды! — смеясь, остановил его Ша-сэн. — Наш старший братец не так уж глуп. Если он справлялся со злыми дьяволами-марами и жестокими оборотнями, — так неужели побоится этих косматых разбойников, которых не так уж много? Раз он зовет нас, значит, хочет

сказать что-то важное. Вернемся же поскорее и узнаем, в чем дело.

Танский монах послушался Ша-сэна и, быстро повернув коня, возвратился.

— У-кун! Что случилось? Зачем ты звал нас? — спросил он.

— А вот послушай, что расскажут разбойники, — ответил Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе подошел к одному из грабителей и, толкнув его, спросил:

— Чего же ты стоишь как пень?

Но разбойник по-прежнему не двигался и молчал.

— Ты никак рехнулся и онемел! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Это я напустил на них свои чары, — засмеялся Сунь У-кун. — Прочел заклинание, от которого они все остоленели.

— Но ты ведь сковал их тела, а не рот, — возразил Чжу Ба-цзе, — почему же они молчат?

Сунь У-кун ничего не ответил ему и обратился к Танскому наставнику.

— Наставник! Прошу тебя, слезь с коня и садись сюда. Есть такая поговорка: «Можно только по ошибке схватить человека, но выпустить по ошибке нельзя». — Затем он обратился к Ша-сэну и Чжу Ба-цзе. — Ну-ка, братцы, повалите их всех навзничь, да свяжите покрепче! — приказал он. — Пусть сейчас же признаются во всем! Узнаем, что это за разбойники: молокососы они, впервые занявшиеся грабежом, или матерые бандиты.

— У нас нет веревок, — сказал Ша-сэн.

Тогда Сунь У-кун вырвал у себя несколько шерстинок, дунул на них своим волшебным дыханием, и они сразу же превратились в тридцать крепких веревок.

Ученики Танского наставника разом принялись за работу: они начали валить на землю разбойников и связывать их по рукам и ногам. После этого Сунь У-кун прочел заклинание, снял с разбойников чары, и они постепенно стали приходить в себя.

Сунь У-кун попросил Танского наставника сесть на возвышение, а сам с двумя другими учениками, держащими оружие в руках, приступил к допросу.

— Эй вы, косматые разбойники! Сколько вас собралось в одну шайку! Давно ли занимаетесь своим «промыслом»? Сколько награбили вещей? Сколько людей убили? В который раз, в

первый, во второй или в третий, совершаете разбой?

— Отцы святы! Пощадите нас! — завопили разбойники.

— Замолчите! — прикрикнул на них Сунь У-кун. — И рассказывайте все, как было, по порядку.

— Отец наш! Мы вовсе не закоренелые разбойники, — заговорил один из грабителей, — мы все из хороших семей, просто нам не повезло в жизни: мы стали пьянствовать, играть на деньги, кутить с певичками и промотали все имущество наших дедов и отцов. Мы никогда не были приучены к работе, а денег у нас нет. Проведав, что у сверхштатного чиновника Коу Хуна из окружного города Медная башня в доме хранятся несметные богатства, мы вчера собрались вместе и в тот же вечер, воспользовавшись ненастной погодой и темнотой, отправились в дом Коу Хуна и ограбили его. Мы забрали изрядное количество золота, серебра, одежды и украшений и вот здесь, на северном склоне горы, в укромном ущелье, приступили к дележу, но в это время как раз заметили вас, уважаемые наставники. Мы признали в вас тех самых монахов, которым Коу Хун устроил проводы, и решили, что у вас должны быть с собою богатые дары. К тому же мы видели, что ваша поклажа очень тяжела, а белый конь, видимо, хороший скакун. Алчность человека не знает границ, потому-то мы и решили вас ограбить. Где же нам было знать, что ты, отец наш, владеешь такими могучими чарами и сможешь всех нас пригвоздить к месту? Умоляем всех вас, почтенные отцы наши, помилосердствуйте и пожалейте нас! Заберите у нас все, только оставьте жизнь.

Танский монах ужаснулся, услышав, что речь идет о богатстве и вещах, похищенных разбойниками у Коу Хуна. Он вскочил с места и воскликнул:

— У-кун! Ведь сверхштатный чиновник Коу Хун — человек исключительной добродетели. Как мог он навлечь на себя такую беду?

— Да это все из-за нас, — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Разноцветные балдахины и узорчатые хоругви, оглушительный бой барабанов и музыка привлекли внимание всех жителей города. Вот потому эти голодранцы и отправились грабить Коу Хуна. Хорошо, что они встретились с нами. Мы можем отнять у них награбленное золото, серебро, одежды и украшения.

— Мы прожили у Коу Хуна целых полмесяца и принесли ему столько беспокойства, — сказал Танский монах. — Вовек не забуду его щедрые милости, которыми он осыпал нас. И вот поскольку мне нечем отблагодарить его, лучше всего доставить ему сейчас все похищенные у него богатства. Сами посудите, разве не зачтется это нам как благодеяние.

Сунь У-кун согласился с Танским монахом и тотчас же вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном отправился в горное ущелье. Там они забрали все похищенные богатства, часть упаковали, часть навьючили на коня, а золото и серебро велели Чжу Ба-цзе нести на коромысле. Ша-сэн понес поклажу. Сунь У-куну очень хотелось одним ударом своего посоха прикончить всех этих разбойников, но он побоялся навлечь гнев Танского наставника. Поэтому он лишь встряхнулся и вобрал в себя волосы. У разбойников сразу же освободились от пут руки и ноги. Они поползли в разные стороны, скрылись в густой траве, растущей по обеим сторонам дороги, а

затем бросились бежать без оглядки.

Танский монах повернул обратно и пошел пешком с намерением возвратить Коу Хуну его богатства. На этот раз он уподобился ночному мотыльку, который летит на огонек, не зная, что его ждет гибель.

Вот как говорится об этом в стихах:

Чтоб за добро добром платили,

Бывает в жизни не всегда:

Обычно за добро и милость

Нас ждут обида и вражда.

И тот, кто тонущим на помощь

Бросается в пучину вод,

Скорее сам в воде погибнет,

Чем благодарность обретет.

Да, лучше трижды поразмысли,

Пока решенья не найдешь, —

Тогда тебя минует горе

И незаслуженная ложь.

И вот, когда Танский монах и его ученики, забрав все золото, серебро, наряды и украшения, пустились в обратный путь, они вдруг увидели толпу людей, вооруженных копьями и мечами.

— Братцы, взгляните, сколько людей с оружием приближается к нам! — воскликнул Танский монах в сильном испуге. — Что нам грозит?..

— Беда! Беда пришла! — вскричал Чжу Ба-цзе. — Разбойники, которых мы только что отпустили, наверное, пошли за подмогой и вот теперь вооружились и вновь пришли сюда, чтобы сразиться с нами.

— Брат! — возразил Ша-сэн. — Это не разбойники. Погляди как следует, — попросил он Сунь У-куна.

Сунь У-кун, наклонившись к Ша-сэну, прошептал:

— Злосчастливая звезда не покидает нашего учителя! Это стражники, посланные на поимку разбойников.

Не успел он договорить, как стражники рассыпались в разные стороны, намереваясь окружить учителя и его учеников.

— Вот так монахи! Хороши, нечего сказать! Мало того, что ограбили дочиста, так еще продолжаете шататься здесь! — кричали воины.

Первым схватили и скрутили веревками Танского монаха. Затем связали Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. После этого продели ваги через веревки и понесли каждую вагу вдвоем. Погоня коня перед собой, стражники забрали также коромысла с поклажей и направились в окружной город. Эти печальные события описаны в стихах:

Благочинного монаха

Охватили страх и дрожь,

Тщетно он в слезах пытался

Опровергнуть злую ложь.

Чжу Ба-цзе уныло хныкал

И невнятно бормотал —

На друзей своих сердился,

На судьбу свою роптал.

И Ша-сэн не меньше прочих

Был растерян, удручен,

Лишь пройдохе Сунь У-куну

Все казалось нипочем.

Он хихикал втихомолку:

Волшебство свое и прыть

Хитрецу хотелось, видно,

Поскорее проявить!

Пленники очень скоро были доставлены в город. Стражники направились прямо к правителю округа и доложили:

— Повелитель! Наши сыщики и стражники поймали разбойников и доставили сюда.

Правитель сразу же направился в зал суда, воссел на свое место, наградил за труды сыщиков и стражников, затем осмотрел награбленное имущество и призвал членов семьи Коу Хуна, чтобы возвратить его им. После этого он велел ввести в зал Танского монаха и его учеников.

— Как же так? — спросил он. — Рассказываете всем, что вы монахи, идете из далеких восточных земель в райскую обитель Будды, чтобы поклониться ему, а на деле, оказывается, вы простые грабители!

— О владыка! Дозволь мне сказать! — взмолился Танский монах. — Я бедный монах, а не грабитель! И это сущая правда. Разве осмелюсь я лгать? У меня есть подорожное свидетельство, в котором описано, кто я такой и куда направляюсь. Прожив в доме чиновника Коу Хуна полмесяца, я проникся к нему чувством глубокой признательности за гостеприимство, которое он оказал нам. По дороге мы встретили разбойников, ограбивших Коу Хуна, отняли у них награбленное и направились было обратно к Коу Хуну, чтобы вернуть ему похищенное и этим отблагодарить его за оказанную нам милость. Мы никак не предполагали, что твои стражники примут нас за разбойников и схватят нас, так как мы действительно не грабители. Умоляю тебя, владыка, вникнуть в это дело и разобраться его во всех подробностях!

— Негодяй! — воскликнул правитель округа. — Теперь, когда тебя схватили наши стражники, ты стал изворачиваться и говорить о воздаянии за милости. Почему же, встретив разбойников, ты не изловил их, не доставил сюда и не доложил обо всем властям? Как могли вы вчетвером справиться с ними? Вот, смотри, сын Коу Хуна по имени Коу Лян, подал жалобу, в которой прямо указывает на тебя, а ты еще смеешь отпираться?

От этих слов Танский наставник почувствовал себя так, словно плыл на горящем судне в открытом море. Душа у него едва не рассталась с телом.

— Сунь У-кун! — с отчаянием воскликнул он. — Что же ты не оправдываешься?

— Чего же оправдываться? Ведь есть вещественные улики, — сказал Сунь У-кун.

— Совершенно верно! — перебил его правитель округа. — Улики налицо, как же ты смеешь отпираться?

После этого он подозвал своих подручных:

— Принесите обручи для сжимания головы, наденьте их на голову этому плешивому разбойнику, а уж потом будем бить его!

Сунь У-кун пришел в замешательство и подумал: «Видимо, моему наставнику положено перенести и это испытание, но как облегчить его страдания?». Увидев, что служители

привязали к обручу веревки и скоро начнут пытку, он воскликнул.

— О владыка! Не надо пока стягивать обручем голову этому монаху! Вчера ночью при ограблении Коу Хуна с факелом в руках был я, с кинжалом в руке тоже был я, я же грабил имущество, и я же убийца! Это я — главарь и бить надо только меня одного, остальные все ни при чем.

Правитель округа выслушал его и дал новое распоряжение.

— Сперва наденьте обруч на этого! — велел он.

Служители сразу же приступили к делу: они надели обруч на голову Сунь У-куну и стали туго стягивать его веревками. Вережки с резким звуком лопнули. Тогда они опять привязали веревки к концам обруча и снова стали стягивать его, но веревки опять лопнули. Так происходило три или четыре раза. Между тем на лбу Сунь У-куна не осталось даже следа. Служители заменили веревки более толстыми и только было приготовились повторить пытку, как явился какой-то человек, который доложил:

— Повелитель! Из столицы прибыл младший опекун наследника престола Чэнь. Просим тебя выехать к нему для встречи!

Правитель округа тотчас поднялся и отдал приказ:

— Бросьте разбойников в темницу и глаз с них не спускайте. После встречи высокого гостя я продолжу дознание.

Служители повели Танского монаха и его учеников в тюрьму и втокнули их в ворота.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн втащили туда же коромысло со своей поклажей.

— Братцы, что же это происходит? — недоуменно спросил Танский монах, обращаясь к своим ученикам.

— Входи, входи! — посмеиваясь, ответил Сунь У-кун. — Здесь хорошо: собаки не лают, можно отдохнуть.

Несчастных узников схватили и стали втискивать одного за другим на тюремные нары. Им пришлось перекатываться друг через друга, стучаться головами, наваливаться грудью один на другого, а тут еще тюремщики подгоняли их и колотили куда попало.

Танский монах изнемог от страданий и все время зывал:

— У-кун! Что же делать? Как быть?!

— Они бьют потому, что хотят получить деньги, — ответил Сунь У-кун. — Есть ведь такая поговорка: «Где хорошо, там находишь покой, а где плохо — приходится выкладывать деньги!». Дай им хоть сколько-нибудь, вот и все!

— Откуда я возьму деньги? — отозвался Танский монах.

— Если нет денег, можно дать одежду или вещи, это все равно, — сказал Сунь У-кун. — Дай им свое монашеское облачение, и дело с концом.

Слова Сунь У-куна словно ножом полоснули по сердцу Танского монаха, однако, не в силах больше терпеть побои, он вынужден был согласиться.

— Пусть будет по-твоему, Сунь У-кун! — простонал он.

Тогда Сунь У-кун закричал тюремщикам:

— Уважаемые начальники! Не бейте нас! В наших узлах вы найдете монашескую рясу из золотой парчи ценою в тысячу слитков золота. Достаньте ее и возьмите себе!

Тюремщики сразу же приступили к делу: они развязали оба узла и увидели там всего лишь несколько холщовых одеяний и суму с дорожной. Вдруг они заметили сверток, от которого исходило сияние, подобное заре. Они поняли, что в нем должно быть что-то очень ценное, и, развернув его, увидели вот что:

Светлым жемчугом унизана,

Сшита-скроена на диво —

Вещь такая редко встретится

У простого богомольца:

По бокам цветные фениксы

Разлетаются красиво,

На груди драконы вышиты,

Словно свившиеся в кольца.

Отталкивая друг друга, тюремщики бросились к волшебному одеянию и подняли такой шум, что встревожили начальника тюрьмы. Он вышел к ним и прикрикнул:

— Чего расшумелись?

Тюремщики опустились на колени.

— Повелитель! Только что сюда доставили из суда четверых монахов, которые оказались дерзкими грабителями. Мы им всыпали немного, и они отдали нам оба своих узла, в которых оказалась эта драгоценность! Но мы никак не можем распорядиться с ней: разодрать ее на части и разделить между всеми — жаль, а если отдать кому-либо одному, — другие останутся в обиде. На наше счастье, ты прибыл сюда, и мы просим тебя рассудить, что нам делать.

Начальник тюрьмы взглянул и убедился в том, что это монашеское одеяние. Затем он тщательно осмотрел остальные одежды и прочитал подорожное свидетельство. После этого его охватило беспокойство! На подорожной было множество печатей и подписей правителей различных стран.

— Надо было раньше прочесть! — с досадой произнес он. — Вот какую кашу вы заварили! Эти монахи вовсе не разбойники. Не смейте брать у них эту рясу! Подождем до завтра, когда правитель округа продолжит дознание, тогда все в точности и выяснится.

Тюремщики повиновались и передали ему оба узла на хранение, завязав их так, как они были завязаны раньше.

Стало смеркаться. Послышался бой барабанов на сторожевых башнях, караульщики сменились и отправились в дозор. Наконец наступила третья четверть четвертой ночной стражи. Убедившись в том, что все его спутники перестали стонать и крепко заснули, Сунь У-кун начал размышлять! «Это злосудие — ночь, проведенная в тюрьме, — было предопределено наставнику. Вот почему я не вымолвил ни одного слова в его оправдание и не прибег ни к какому волшебству. Но сейчас, с окончанием четвертой ночной стражи, истекает срок злосудия. Надо будет все разузнать, чтобы с рассветом выйти из тюрьмы».

Подумав так, Сунь У-кун прибег к волшебству и стал быстро уменьшаться в размерах. Он легко выбрался с тесных тюремных нар, встряхнулся и превратился в проворную мушку. Пробравшись сквозь щель между карнизом и черепицей на крыше, он вылетел наружу. На небе мерцали звезды, сиял светлый месяц, кругом было тихо как бывает только ночью. Определив направление, Сунь У-кун полетел прямо к дому Коу Хуна. По пути он заметил, что в одном из домов в западном конце улицы ярко светится огонь. Сунь У-кун подлетел поближе и заглянул в дом. Оказывается, там готовили бобовый сыр. Старик хозяин разводил огонь, а старуха жала размоченные бобы.

— Жenuшка! — внезапно воскликнул старик. — Каким большим сановником был Коу Хун! Все у него было: и сыновья и богатство, не хватало ему только долголетия... Помню, в детстве мы с ним учились вместе. Я был старше на пять лет. Отца его звали Коу Мин. Тогда у них было не больше тысячи му пахотной земли, часть которой они сдавали в аренду, а деньги отдавали в рост. Но ему никак не удавалось взыскивать долги с должников. Старик Коу Мин умер, когда Коу Хуну исполнилось двадцать лет. Он стал распорядиться всем имуществом, и вот тогда-то

ему и повезло в жизни. Он взял себе в жены дочь Чжан Вана, которую в детстве прозвали «Искусной швеей». Вот уж она действительно оказалась дельной. С первого же дня, как вошла в дом, поля стали приносить обильный урожай, долги стали возвращаться, все, что шло в продажу, приносило прибыль, и от каждого дела он получал хороший заработок. Так он нажил стотысячное состояние. В сорок лет он обратил все свои помыслы на свершение добрых дел и дал обет приютить у себя и накормить десять тысяч монахов. Кто мог подумать, что вчерашней ночью его убьют злые разбойники?! Как жаль! Ему было всего шестьдесят четыре года, и он мог еще наслаждаться всеми благами жизни. Можно ли было ожидать, что он получит такое воздаяние и безвременно погибнет после свершения стольких добрых дел?! Как жаль! Очень жаль!

Сунь У-кун внимательно слушал старика. Тем временем уже наступила первая четверть пятой ночной стражи. Он встрепенулся и полетел дальше, в дом Коу Хуна. В главном зале уже стоял гроб, у изголовья горели светильники, курились ароматные свечи и были расставлены цветы и фрукты. Хозяйка находилась у гроба и все время причитала. Затем появились оба сына, которые тоже начали рыдать и отбивать земные поклоны. Жены их принесли в жертву две плошки отварного риса. Сунь У-кун уселся у изголовья гроба и громко кашлянул. Женщины перепугались и, размахивая руками, бросились вон из зала. Коу Лян и Коу Дун упали ничком на землю и, боясь пошевелинуться, вопили: «О небо! Ой-ой-ой!» Храбрее всех оказалась хозяйка — она хлопнула рукой по гробу и спросила:

— Почтенный чиновник, ты жив?

Сунь У-кун, подделываясь под голос Коу Хуна, ответил:

— Нет, мертв!

Сыновья еще больше перепугались, стали отбивать земные поклоны и лить слезы:

— Ой-ой-ой! Отец наш! — продолжали вопить они.

Набравшись храбрости, хозяйка снова спросила:

— Как же ты разговариваешь, если мертв?

— Демон-гонец правителя Подземного царства Янь-вана доставил по его приказанию сюда, домой, мою душу, чтобы поведать всем: «Хозяйка дома, урожденная Чжан Ван, по прозванию «Искусная швея», своим лживым языком и коварными устами обрекла на гибель невинных людей!» — торжественно произнес Сунь У-кун.

Хозяйка, услышав, что ее называли детским прозвищем, в страхе повалилась на колени, начала класть земные поклоны и причитать:

— Добрый ты мой муженек! Дожил до такого почтенного возраста, а все еще не забыл моего детского прозвища! Каких же это невинных людей я обрекла на гибель своим лживым языком и коварными устами?

Тут Сунь У-кун не стерпел и прикрикнул на нее:

— Кто говорил, что Танский монах держал факел, Чжу Ба-цзе подстрекал к убийству, Ша-сэн вытаскивал золото и серебро, а Сунь У-кун убивал вашего отца? Из-за твоей лжи невинно страдают добрые люди. Они встретили по дороге настоящих разбойников, отняли у них все награбленное и хотели доставить сюда, чтобы отблагодарить меня. Вот какие добрые намерения были у этих хороших людей! А ты подговорила сыновей подать на них жалобу и послала их к окружному правителю. Тот, не вникнув в дело, заключил добрых монахов в темницу. Теперь духи Судилища и Преисподней, местные духи, а также духи — хранители города находятся в большом смятении. Они не могут успокоиться и отправились с докладом к правителю Подземного царства Янь-вану. Тот распорядился, чтобы демон-гонец доставил мою душу домой, и велел ей заставить вас как можно скорее освободить монахов из темницы. Если же вы не согласитесь, то я по его приказу в течение месяца учиню здесь расправу и не пощажу никого: ни старых, ни малых, даже кур и собак перебью!

Коу Лян и Коу Дун стали еще усерднее отбивать земные поклоны и взмолились истошным голосом:

— Отец! Умоляем тебя, возвращайся обратно! Не губи ты нас! Как только рассветет, мы отправимся в окружное управление и подадим прошение об отказе от жалобы. Мы охотно признаем себя виновными и готовы держать ответ перед судом, лишь бы уладить все, чтобы и живым и мертвым было хорошо.

Сунь У-кун выслушал их, а затем распорядился:

— Возжигайте жертвенную бумагу! Я уйду!

Все тотчас же принялись жечь жертвенные предметы, изготовленные из бумаги.

Взмахнув крылышками, Сунь У-кун полетел дальше и направился к дому правителя округа. Взглянув вниз, он увидел в одном из помещений огонек. Видимо, правитель уже поднялся с постели. Сунь У-кун влетел в главный зал и огляделся. На задней стене, посередине, висела картина с изображением какого-то важного начальника, который сидел верхом на пегом коне. Его сопровождала свита из нескольких человек. Над головой чиновника слуги держали темно-синий зонт, а позади несли складное ложе. Сунь У-кун не знал, что за событие запечатлено на этой картине. Он уселся на картину, и в это время из внутреннего помещения вдруг вышел правитель. Он начал причесываться и умываться. Сунь У-кун громко кашлянул. Правитель испугался и тотчас же вбежал обратно во внутреннее помещение. Там он причесался, умылся, надел на себя парадные одежды и, стремительно выйдя обратно, возжег фимиам перед картиной и стал читать молитвы.

— О почтенный дух моего старшего дядюшки Цзян Цянь-и, — воскликнул он. — Я, твой племянник, Цян Кунь-сань благодаря благословенному покровительству моих добродетельных предков выдержал испытание по первому разряду и ныне являюсь правителем округа Медная башня. Ежедневно по утрам и вечерам я возжигаю благодарственный фимиам и поминаю тебя добрым словом. Скажи, почему сегодня ты вдруг подал голос? Умоляю тебя, не причиняй нам зла и не пугай моих домашних.

Ухмыльнувшись про себя, Сунь У-кун подумал: «Значит, на картине нарисован его дядюшка», — и заговорил басом:

— Премудрый племянник мой Кунь-сань! Благодаря покровительству духов твоих добродетельных предков ты хоть и сделался чиновником и все это время отличаешься честностью и бескорыстием, однако вчера, каким-то образом не вникнув в суть дела, ты принял за разбойников четверых праведных монахов. Ты даже не узнал, откуда они явились, и бросил их в темницу! Духи Судилища и Преисподней, а также местные духи и духи — хранители города, разволновались и доложили об этом владыке Подземного царства Янь-вану. Он послал демона-гонца доставить сюда мою душу, чтобы я рассказал тебе об этом и велел бы тебе тщательно разобраться в деле и как можно скорее освободить монахов. Если ты ослушаешься, то мне велено препроводить тебя в Судилище Подземного царства и дать там ответ.

Услышав эти слова, правитель округа затрепетал.

— О великий дядя! — взмолился он. — Прошу тебя, возвращайся обратно! Я сейчас же пойду в управление и освобожу этих монахов!

— Ну, раз так, то жги скорей жертвенную бумагу, — пробасил Сунь У-кун, — и я отправлюсь к Янь-вану с ответом.

Правитель округа добавил еще фимиама, возжег жертвенные предметы из бумаги и совершил благодарственные поклоны.

Сунь У-кун тем временем вылетел из помещения и стал осматриваться: небо на востоке посветлело. Он направился в уездное управление. Все чиновники уже собрались в судебном зале. Сунь У-кун подумал: «Как бы они не обнаружили, что с ними будет говорить мушка. Ведь тогда моя тайна раскроется!».

Сунь У-кун решил прибегнуть к способу увеличения своего тела и, находясь еще в воздухе, опустил вниз на землю одну только ногу, которая заняла почти весь двор перед судебным залом.

— Слушайте меня, вы, уездные чиновники! — крикнул он громовым голосом. — Я — Блуждающий дух. Меня послал сюда Нефритовый император, чтобы сказать вам следующее: у вас в окружной тюрьме подвергли избиению праведных сынов Будды, направляющихся за священными книгами. Духи всех трех небесных сфер встревожены этим беззаконием. Мне велено передать вам, чтобы вы срочно освободили этих монахов. Если вы ослушаетесь, то я

должен буду ступить второй ногой и прежде всего раздавить всех вас, окружных и уездных чиновников, а затем и всех жителей этого округа, а город сравнять с землей!

Чиновники и служащие от страха попадали на колени, начали отбивать земные поклоны и взывать:

— О верховный мудрец! Просим тебя вернуться обратно. Мы сейчас же отправимся в окружное управление, доложим об этом нашему главному правителю и заставим его выпустить узников на свободу. Не шевели только своей ногой, иначе мы умрем от страха.

Тогда Сунь У-кун убрал свою ногу и вновь превратился в мушку. Он проворно вернулся в тюремное помещение через ту же щель, пробрался на нары и уснул.

Вернемся к правителю округа, который поспешил в зал суда. Едва только он выдал таблички для раздачи просителям, как братья Коу Лян и Коу Дун опустились на колени у самого входа и, держа в руках таблички, принялись кричать.

Правитель велел им войти в зал, и они вручили ему свое прошение. Прочтя его, правитель сильно разгневался:

— Вчера только вы подали жалобу об ограблении, мы изловили указанных в ней грабителей, и вы получили похищенное имущество. Почему же сегодня вы подаете прошение об отказе от своей жалобы?

Проливая слезы, оба просителя начали объяснять:

— Почтенный господин наш! Вчера ночью к нам явилась душа нашего покойного отца и вот что сообщила нам: «Праведные монахи, посланцы Танского императора, изловили разбойников, отняли у них награбленное, а их отпустили. У монахов было доброе намерение вернуть нам имущество в благодарность за оказанную им милость. А их приняли за разбойников, бросили в темницу, и теперь они там мучаются! Духи Судилища, местные духи и духи — хранители города разволновались и доложили о случившемся правителю Подземного царства Янь-вану. Он послал гонца-демона, чтобы тот доставил мою душу домой, а вы должны вновь отправиться в окружное управление и подать прошение об освобождении праведных монахов. Тогда, быть может, вас минует беда и вам простят тяжкую вину. Иначе все вы, и старые и малые, погибнете». Вот почему мы явились сюда и отказываемся от своей жалобы. Умоляем тебя, отец наш, яви свою милость и выполни нашу просьбу.

Слушая их, правитель думал: «Отца их убили совсем недавно, тело его еще не остыло, поэтому душа его могла явиться и откликнуться на зов, но дядя мой умер лет пять или шесть тому назад, как же его душа смогла в эту же ночь явиться ко мне и приказать освободить узников? Судя по всему, я допустил несправедливость».

Пока он размышлял, в управление прибыли чиновники из уезда Дивная земля. Они поспешно

вбежали в зал суда с возгласами:

— Владыка! Плохо дело! Плохо! Нефритовый император только что ниспослал к нам Блуждающего духа, который велел, чтобы ты поскорей освободил из темницы добрых людей. Монахи, которых вчера схватили, оказывается, вовсе не грабители. Они — последователи Будды, направляющиеся за священными книгами. Дух грозит, что, если мы еще хоть немного помедлим, он всех нас, чиновников, раздавит, уничтожит всех жителей, а город сравняет с землей.

Правитель округа так перепугался, что в лице изменился. Он тотчас же велел судебному письмоводителю срочно написать табличку о вызове в суд заключенных. Сразу же открыли ворота тюрьмы и вывели узников.

Чжу Ба-цзе загрустил.

— Как же нас сегодня будут пытаться? — проговорил он. Сунь У-кун улыбнулся.

— Уверяю тебя, что даже пальцем не тронут, — сказал он. — Я уже все уладил. Когда войдем в судебный зал, на колени не вставай. Правитель сам сойдет со своего места и предложит нам занять почетные места. А ты слушай, как я потребую у него нашу поклажу и коня. Если хоть что-нибудь пропало, увидишь, как я изобью его!

Не успел он договорить, как они уже прибыли в зал суда. Завидев монахов, правитель округа и начальник уезда, вместе со всеми чиновниками старших и младших рангов, пошли им навстречу.

— Праведные монахи! — молвил правитель округа. — Вчера, когда вы явились, я был занят встречей начальника, прибывшего из столицы, кроме того, я рассматривал похищенное богатство и не успел расспросить вас обо всем.

Танский монах, сложив руки ладонями вместе, почтительно склонился и начал подробно рассказывать, как все было. Толпа чиновников то и дело прерывала его возгласами: «Ошиблись, ошиблись! Не пеняй на нас, не пеняй!».

Затем правитель округа спросил, не пропало ли у них что-нибудь за время пребывания в тюрьме.

Сунь У-кун подошел ближе и, сверкая глазами от гнева, грозно произнес:

— Нашего белого коня забрал себе твой судебный служитель, а нашу поклажу присвоили тюремщики. Живо верните все это нам! Сегодня пришел наш черед пытаться вас, — злорадно добавил он. — Вот вы какие, понапрасну хватаете мирных людей вместо разбойников. Какое вам за это полагается наказание?

Глядя на грозный вид Сунь У-куна, все окружные и уездные чиновники не на шутку перепугались. Они тотчас же велели привести коня и принести поклажу и передали все Сунь У-куну в полной сохранности.

Вы бы видели, как трое учеников Танского монаха своим свирепым видом старались превзойти друг друга! Чиновники оправдывались, обвиняя во всем родных Коу Хуна.

Танский монах стал уговаривать своих учеников:

— Братцы! Так нам ничего не удастся выяснить! Давайте отправимся в дом Коу Хуна. Во-первых, мы там выразим соболезнование по случаю смерти хозяина, а во-вторых, устроим очную ставку и тогда будем знать, кто нас ложно обвинил.

— Совершенно верно! — согласился Сунь У-кун. — Я вызову мертвеца, и мы от него самого узнаем, кто убил его!

Ша-сэн тут же, у зала суда, помог своему наставнику взобраться на коня, и все с криками и шумом вышли из управления. Многие чиновники тоже прибыли в дом Коу Хуна.

Братья Коу Лян и Коу Дун, дрожа от страха, встретили прибывших у ворот земными поклонами и сразу же провели их в главный зал.

Все домашние собрались у гроба, установленного во внутреннем дворе, и голосили.

— Эй ты, хозяйка, лгунья, оговаривающая мирных людей, перестань вопить! — крикнул Сунь У-кун. — Вот я сейчас вызову твоего почтенного хозяина, и он сам скажет, кто убил его! Пусть пристыдит тебя при всех!

Чиновники думали, что Сунь У-кун шутит, но он обратился ко всем с такими словами:

— Уважаемые! Побудьте немного с моим наставником здесь! А вы, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, хорошенько оберегайте его. Я мигом слетаю туда и обратно.

Ну и Великий Мудрец! Он выскочил за ворота и сразу же поднялся в воздух. Радужное сияние распространилось на землю и окутало весь дом Коу Хуна, а на небе благовещие пары стали оберегать душу умершего.

Теперь только все чиновники поняли, что имели дело с бессмертным небожителем, летающим на облаках и туманах, с мудрецом, который умеет воскрешать мертвых.

Все они начали возжигать благовонные свечи и совершать поклоны, но об этом рассказывать мы не будем.

Великий Мудрец Сунь У-кун вскочил на облачко и направился прямо в подземное царство теней, где ворвался в зал нелицеприятного судьи Подземного царства Сэнло.

Он так напугал всех, кто там был, что:

Десять правителей

Мрачного царства Подземного

Разом покинули тьму

И, удивленные,

Руки сложив для приветствия,

Вышли навстречу ему.

Демоны-судьи,

Пять стран неусыпно хранящие,

Злу воздающие злом,

Мигом слетелись

И, гостя завидев могучего,

Бить ему стали челом.

С шумом и лязгом

Склонились пред ним в обе стороны

Сотни деревьев-мечей,

Путь открывая

В глубины Судилища грозного,

В мрак непроглядных ночей.

Дикий хребет

В остриях и уступах бесчисленных

Свой разомкнул полукруг,

Склоны его,

Что клинками кривыми утыканы,

Гладкими сделались вдруг.

В сумрачный город,
Где стонут безвинно умершие,
Свет благодатный проник:
Тысячи душ,
Безнадежно искавших пристанища,
Духами стали в тот миг.
А под мостом,
Что высоко повис над свирепую,
Бурной рекою «Как быть?»,
Тысячи грешников,
Волнами мучимых издавна,
К берегу сумели доплыть.
Правду сказать,
Если луч от сиянья священного
Здесь хоть однажды блеснет,
Кажется сразу,
Что душам за все прегрешения
Небо прощение шлет.
К тысячам тысяч
Измученных вечными пытками
Сразу спасенье пришло,
В мрачных застенках
Под сводом Судилища страшного
Стало внезапно светло.

Десять судей Подземного царства радушно встретили Великого Мудреца Сунь У-куна и стали расспрашивать его, зачем он пожаловал и по какому делу.

Сунь У-кун сразу же спросил:

— Не скажете ли, кто из вас принял душу Коу Хуна из уезда Дивная земля в округе Медная башня, который дал обет приютить и накормить десять тысяч монахов? Узнайте поскорей и выдайте его душу.

— Коу Хун был добрым мужем, — отвечали судьи, — ни один демон-гонец не был послан за его душой. Она сама прибыла сюда, встретила с отроком в золотых одеждах, который состоит при правителе Подземного царства, и отрок повел ее к своему повелителю.

Сунь У-кун тотчас простился с судьями Преисподней и направился во дворец Изумрудных облаков, к правителю Подземного царства, который в то же время являлся бодисатвой. После взаимных приветственных поклонов Сунь У-кун рассказал обо всем, что произошло. Бодисатва обрадовался и сказал:

— Срок жизни Коу Хуна был заранее predetermined, и когда он кончился, Коу Хун, не страдая от тяжких недугов, сразу же покинул бренный мир. Так как он облагодетельствовал многих монахов, а также отличался исключительной добротой, я принял его душу и назначил столоначальником, ведающим списками, в которые заносятся все добрые дела. Поскольку ты сам явился за его душой, Великий Мудрец, я продлю ему жизнь еще на двенадцать лет и сейчас же велю его душе последовать за тобой.

Отрок в золотых одеждах тут же привел душу Коу Хуна, которая при виде Сунь У-куна громко воскликнула:

— Почтенный наставник! Почтенный наставник! Спаси меня!

— Тебя убили жестокие разбойники, — отвечал Сунь У-кун. — Сейчас ты находишься у правителя Подземного царства, который в то же время является бодисатвой. Я пришел к нему за тобой, ты вернешься сейчас на белый свет и подтвердишь, что все это верно. Твой повелитель отпустил тебя и продлил тебе жизнь еще на двенадцать лет, после чего ты снова вернешься сюда!

Тут душа чиновника стала земно кланяться, выражая глубокую благодарность.

Затем Сунь У-кун поблагодарил бодисатву и распрощался с ним, а душу Коу Хуна превратил в пар, запрягал себе в рукав, вместе с ней вышел из Подземного царства и вернулся на белый свет. Вскочив на облачко, Сунь У-кун быстро примчался к дому Коу Хуна. Там он велел Чжу Ба-цзе приподнять крышку гроба и втолкнул душу в тело Коу Хуна. Тот мгновенно начал дышать и вскоре ожил. Затем он вылез из гроба и поклонился до земли Танскому монаху, а также его ученикам.

— О наставник! Наставник! — проговорил он. — Я безвременно скончался и только благодаря твоей величайшей милости, благодаря тому, что ты сошел в Подземное царство и вызволил меня из Судилица, я вновь возродился к жизни.

Казалось, что изъявлениям благодарности не будет конца.

Когда же он обернулся и увидел чиновников, выстроившихся в ряд, то вновь начал отбивать земные поклоны и с удивлением спросил их:

— Уважаемые начальники, как же это вы оказались в моей недостойной лачуге?

— Все дело началось с того, что твои сыновья подали жалобу на этих праведных монахов, обвинив их в ограблении, — отвечал правитель округа. — Я тотчас же послал людей на поимку. Мне и в голову не приходило, что праведные монахи по дороге встретились с разбойниками, которые произвели ограбление и убийство в твоём доме. Монахи отняли у них все награбленное и отправились обратно, чтобы вернуть тебе твои богатства; это я по неведению послал людей схватить их, не произвел подробного дознания и сразу же бросил в темницу. И вот сегодня ночью твоя душа явилась к твоим сыновьям, а ко мне явилась душа моего покойного дяди и рассказала обо всем, что произошло. Кроме того, в уездном управлении видели сошедшего на землю Блуждающего духа. Вот сколько важных событий произошло одновременно. Потому я и освободил праведных монахов, а один из них отправился куда-то и вернул тебе жизнь.

Продолжая стоять на коленях, сверхштатный чиновник Коу Хун стал рассказывать, как было дело:

— Почтенный отец, — начал он, — ведь и на самом деле с этими четырьмя праведными монахами поступили несправедливо! В ту ночь ко мне в дом ворвались человек тридцать, а то и больше отъявленных разбойников. Они зажгли факелы, вооружились палками и начали грабить мое имущество. Мне стало жалко терять свое добро, и я начал усовещивать их. Неожиданно один из них так пнул меня ногой, что я сразу же умер. А эти праведные монахи ни в чем не повинны! — Затем он подозвал жену и накинулся на нее: — Ну, скажи, кто меня пнул ногой и убил насмерть? Как смели вы подать лживую жалобу? Я попрошу правителя округа наказать вас!

Тут все домашние, старые и малые, повалились в ноги Коу Хуну и принялись отбивать земные поклоны.

Правитель округа проявил полное великодушие и простил им вину. После этого Коу Хун приказал устроить пир, чтобы отблагодарить окружное и уездное начальство за щедрые милости. Однако чиновники посидели недолго и вернулись в свои учреждения.

На следующий день хозяин дома вновь вывесил вывеску «Добро пожаловать, монахи» и стал уговаривать Танского наставника остаться у него пожить, но тот наотрез отказался. Тогда Коу Хун созвал всех своих родных и друзей; опять, как в прошлый раз, были вынесены флаги и хоругви, и начались пышные проводы.

Вот уж поистине:

В расселинах земли угрюмой,
Где многое скрывает мгла,
Таятся мрачные злодеяния,
Творятся темные дела.
Но над землей, в безбрежном небе,
Поныне истина тверда,
И душу добрую напрасно
Там не обидят никогда.
Нелегко путь, но добровольно
Взяв на себя тяжелый труд,
К благому Будде Татагате
Упорно путники идут.
Идут к Линшань — горе чудесной,
Где мудрость, мир и чистота,
Где к беспредельному блаженству
Открыты вечные врата.

О том, как наши путники встретились наконец с Буддой, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/290328>